

УДК 316.75

Культурная гетерогенность или конфликт культур? К вопросу об интеграции учащейся молодежи из ближнего зарубежья в местное сообщество

Е. С. Дерига

*Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск*

Статья посвящена анализу результатов эмпирического исследования интеграционных практик учащихся – этнических мигрантов из ближнего зарубежья в г. Новосибирске. Рассматривается, как переживают ситуацию включения в иноэтническое окружение сами этнические мигранты, и каковы стратегии и условия их интеграции в местное сообщество.

Ключевые слова: этнические мигранты, интеграция, конфликт культур, учащиеся.

Процессы, происходящие на микроуровне в местных сообществах, неразрывно связаны с контекстом социальных трансформаций в России в целом. На наших глазах стремительно меняется этническая структура населения за счет миграции из стран Средней Азии и Закавказья, а также внутренней миграции из северо-кавказских регионов, особенно в крупные российские города и мегаполисы. С одной стороны, миграции расширяют социальное и культурное многообразие, позволяют решить проблему дефицита трудовых ресурсов и восполнить демографические потери страны; с другой же, они обостряют межэтнические отношения. Данные процессы развиваются столь стремительно, что принимающее сообщество не успевает к ним адаптироваться. Россияне воспринимают миграцию как внешний процесс, и многие относятся к ней негативно.

Между тем Россия может и должна использовать миграционный потенциал ближнего зарубежья, пока в государствах СНГ проживает многочисленная русскоязычная диаспора, а социокультурная дистанция между россиянами и коренным населением бывших советских республик достаточно близка. В сложившейся ситуации огромное значение приобретает учебная иммиграция. Само по себе обучение в российских школе и вузе является мощным механизмом социокультурной адаптации и интеграции. Выпускник российского учебного заведения – это человек, полностью адаптированный к жизни в российских условиях, встроенный в социум и, зачастую, в рынок труда.

В этой связи интерес представляют практики интеграции учащейся молодежи из ближнего зарубежья в местное сообщество. Задачами исследования было выявление таких интеграционных практик, а также значимого ок-

ружения этнических мигрантов и их включенности в диаспоральные сети и местное сообщество. Важно выявить, как переживают ситуацию включения в иноэтническое окружение сами этнические мигранты.

Объектом исследовательского интереса выступили учащиеся – этнические мигранты из стран ближнего зарубежья. Нами исследовались практики интеграции учащихся многонациональной средней общеобразовательной школы № 66 г. Новосибирска, в которой половина учеников – дети мигрантов, а также иностранных студентов Новосибирского государственного технического университета (НГТУ), прибывших из стран ближнего зарубежья.

Выбор данной школы обусловлен тем, что она, во-первых, является многонациональной, во-вторых, расположена на окраине города, вблизи Хилокского рынка, в районе которого компактно проживает большое количество семей мигрантов из республик ближнего зарубежья, что сказалось на контингенте учеников. «В настоящее время в школе обучается 216 человек, из них 99 иноязычных детей: узбеков, таджиков, киргизов, цыган, азербайджанцев, грузин, каракалпаков. Примерно 50 % таких учащихся составляют дети, приехавшие с родителями, плохо владеющими русским языком, отчего сами дети зачастую не разговаривают по-русски и не понимают русскую речь» [1]. Покинув родную землю, свою национальную школу, эти дети имеют слабое представление о русской культуре. В их случае сталкиваются не только различные культуры, но и быт, воспитание, вероисповедание, которые могут и должны быть адаптированы к социальному контексту другой страны. В исследовании приняли участие 7 подростков 14–17 лет из ближнего зарубежья – Азербайджана, Узбекистана и Киргизии. По национальному составу респонденты распределились следующим образом: 4 узбечки, 2 киргизки, 1 азербайджанка.

Выбор НГТУ обусловлен тем, что он традиционно принимает значительное количество абитуриентов из стран ближнего и дальнего зарубежья, имеет большой опыт работы с ними. Интервью проводилось с 8 студентами в возрасте 18–22 лет из Туркменистана, Таджикистана, Киргизии, Казахстана. Национальный состав респондентов: 2 туркмена, 2 узбека, 1 казах, 1 киргиз, 1 таджик, 1 татарка (из Казахстана).

Опрос представлял собой глубинные неформализованные интервью с блоками вопросов, касающихся различных аспектов адаптации иностранных учащихся в Новосибирске, отношения к россиянам и российской культуре, демаркации особенностей культуры своего народа и культуры принимающего общества, перспектив и планов учащихся на будущее. В дополнение к интервью применялся также *визуальный метод*, под которым мы понимаем ситуацию включения в исследование визуальных средств и использования визуальных данных, в нашем случае – фотографий.

Применение визуального метода дает очевидные преимущества при проведении эмпирического исследования. При этом основной целью использования в интервью фотографии является не столько получение большего количества информации, сколько ее уточнение и качественное дополнение. При описании фотографий информанты могут давать интерпретации и оцен-

ки событий, отличающиеся от тех, которые они дают, только отвечая на вопросы. Исследователи считают, что если во время интервью информант имеет перед глазами картинку или изображение, он больше включается в процесс и вспоминает больше деталей об описываемом явлении [2, с. 83]. Иными словами, интервью, использующие изображения, «стимулируют респондентов к самоанализу и пониманию того, как они сами интерпретируют те или иные события» [3]. Информанты активно включались в процесс коммуникации с интервьюером, с интересом рассказывали о происходивших в их жизни событиях, запечатленных на фотографиях, ностальгировали.

Информанты заранее получили задание отобрать из семейных архивов свои любимые фотоснимки (в электронном или напечатанном виде), на которых они изображены: 1) с семьей, 2) с друзьями, 3) в родной стране, 4) в России, 5) в своем любимом городе. Если в домашнем фотоархиве какая-то фотография отсутствовала, вместо нее предлагалось принести любую другую, на которой изображен респондент или кто-то из близких или уважаемых им людей.

Основные результаты проведенного исследования можно представить следующим образом. В ходе исследования были выделены некоторые особенности стилей поведения информантов из Средней Азии: для них характерна сдержанность в общении, определенная степень закрытости, неохотное желание посвящать посторонних в семейные дела. Некоторые респонденты из числа подростков не показали свои фотографии в кругу семьи, сославшись на их отсутствие, и не поддержали детальный разговор о своей семье. Один из них признался, что его родители с подозрением отнеслись к предстоящему интервью и семейные фотографии запретили брать с собой. Это вполне объяснимо, потому что для некоторых народов характерно особое, бережное отношение к изображениям и тем более к фотографиям семьи, к тому же сфера внутрисемейных отношений для выходцев из Средней Азии является самой «закрытой».

Важно отметить, что жизнь в России части исследуемых респондентов-школьников имеет эпизодический характер. Они со своей семьей периодически возвращаются в родную страну на непродолжительное время, затем снова приезжают в Россию. Это связано с характером трудовой деятельности родителей, которые, как правило, заняты в сфере торговли. Это безусловно осложняет адаптацию школьников в нашей стране, поскольку они вынуждены из-за постоянной смены места жительства каждый раз вновь налаживать контакты с новым классом. Две школьницы выразили желание жить в России, а домой (в свою родную страну) ездить отдыхать, однако хотели бы, чтобы главные события их жизни (например, замужество) происходили дома: *«но когда замуж выхожу, конечно, там [в Кадамжае (Киргизия)] быть бы хотела» (школьница из Киргизии, 14 лет)*. Причем именно эти респонденты находятся в России наиболее продолжительное время (уже несколько лет), по сравнению с остальными. Остальные школьники либо еще не определились, либо связывают свое будущее с родной страной. Причем школьники по очевидным причинам более зависимы от мнения родителей, и в большинстве случаев реше-

ния принимаются за них: *«Ну, мама говорит, что больше не приеду сюда и там учиться буду дальше» (школьница из Узбекистана, 14 лет).*

Студенты в сравнении со школьниками более самостоятельны, и свой выбор осуществляют более осознанно. Они приехали в Новосибирск с целью получения российского образования, и по окончании университета многие ориентированы на возвращение на Родину. Строить семью, устраиваться на работу они планируют в своей родной стране. *«Мне хочется назад уехать, на родине лучше жить» (студент из Туркменистана, 21 год).* Лишь двое из восьми опрошенных молодых людей предполагают остаться в России, получив в будущем гражданство РФ. Причем с мигрантами из Казахстана складывается особая ситуация. В связи с реформой национального языка в этой стране усложняется жизнь большого числа граждан, прежде всего, казахов, в том числе русскоговорящих. Это отмечает и наш респондент из Казахстана: *«если я здесь проучусь 5 лет и окончательно забуду казахский язык, скорее всего останусь здесь... Это, можно сказать, единственный момент, почему многие не хотят возвращаться в Казахстан – всю документацию и гос. службу в Казахстане переводят на казахский язык, это очень тяжело, даже мне – татарке... Вряд ли я найду работу там, не зная казахский язык» (татарка, студентка из Казахстана, 21 год).* Данный фрагмент подтверждает ведущую роль вуза (а также школы) в процессе социокультурной переработки обучающегося контингента, поскольку коммуникации в стенах университета (школы) осуществляются на русском языке, и приезжие студенты (школьники) вынуждены приспособливаться к этой ситуации и новой культуре. А в случае отсутствия среди нового окружения представителей своей национальности (что отметил также респондент из Туркменистана), возникает большая «необходимость» «включения» в российский социум.

Между тем языковая проблема характерна не только для русскоговорящих, проживающих во вступивших на путь «языкового суверенитета» Казахстане, Азербайджане, Туркменистане, Узбекистане. С языковыми трудностями сталкиваются и этнические мигранты, прибывшие в Россию. Незнание русского языка отмечалось в качестве значительного затруднения по приезде в Россию как среди школьников (2 человека), так и среди студентов (3 человека): *«[Сложности были] на русском языке, ... как дружить, сейчас с акцентом проблемы» (школьница из Киргизии, 14 лет).* *«Поначалу не трудно, но началась учеба, и стало трудно. Я русский язык не знал вообще... Когда сюда приехал, вообще не знаю, о чем разговаривают эти люди» (студент из Таджикистана, 20 лет).* *«Первое (это самое трудное), то, что я дома учился на казахском языке, приехал – учеба на русском» (студент из Казахстана, 22 года).* Остальные изучали русский язык в своей родной стране еще до предполагаемой поездки в Россию. Вообще, в бывших советских республиках было престижно владеть русским языком, так как это давало большие возможности обучения и/или трудоустройства в крупных городах тогда еще СССР и, соответственно, хорошие перспективы на будущее.

Как и предполагалось, преобладающее большинство информантов родным языком считают свой национальный язык. Лишь двое отметили в каче-

стве родного оба языка – русский и свой национальный. *«Оба языка [русский и узбекский] для меня родных. Ну, говорят-то, что родной язык – это тот, на котором ты думаешь, поэтому...»* (студент из Узбекистана, 20 лет). Все информанты, за исключением одного, хорошо владеют своим родным языком и говорят на нем, как правило, с ближайшими родственниками и реже с друзьями (той же национальности). *«Ну, я на русском с братиком разговариваем, а родители – на киргизском»* (школьница из Киргизии, 17 лет). *«Я боюсь, когда на том и на том языке разговариваю – плохо получается. Если все время на русском буду разговаривать, я забываю свой родной язык. Но иногда бывает, сядем, поговорим на своем языке»* (школьница из Узбекистана, 15 лет). Случается, в двуязычной семье старшее поколение (бабушки-дедушки) не поддерживает разговоры на русском языке, даже ругают своих внуков за это. Поэтому молодое поколение в таких семьях, как правило, общается на родном языке, а с друзьями и вне семьи говорит на русском языке. Исключением стала семья одного респондента из Казахстана: *«мы говорим на русском языке, мы знаем русскую культуру, мы контактируем с вами – россиянами»* (татарка, студентка из Казахстана, 21 год).

По предоставленным респондентами фотографиям можно составить представление о том, каким национальностям «отдают предпочтение» информанты при выборе друзей. Только у пятерых информантов есть друзья из числа русских. Так, одного из респондентов привлекает в них *«общение, характер... тем как относятся к нерусской нации. Привлекает в них тоже то, что меня приняли, считают за свою. Если с кем-то ссоримся – заступаются»* (школьница из Узбекистана, 15 лет).

Но у большинства респондентов друзья, как правило, своей национальности либо «родственной». У школьницы из Киргизии близкая подруга – узбечка *«сдружились, потому что как бы из своей нации»* (школьница из Кыргызстана, 14 лет). *«В России друзья – тоже казахи, потому что Казахстан и Киргизия они рядом, у них общение похоже тоже с нашим... культура, язык почти похожи»* (студент из Кыргызстана, 18 лет). Другая школьница (узбечка из Киргизии) отмечает, что все ее друзья – в Кыргызстане: *«люди там веселые, приветливые: когда в класс новые придут, они (класс) все сразу говорят: «Привет! Я – Лена, садись рядом со мной!»* (школьница, узбечка из Кыргызстана, 14 лет). Респондент из Казахстана про своих друзей-казахов: *«друзья сформировываются, когда что-то их объединяет. Он [друг] для меня много сделал, я тоже думаю... что мог, для него сделал»* (студент из Казахстана, 22 года). Мы видим, что отношения в среде респондентов строятся на взаимном доверии и взаимопомощи, высоко ценится дружба и поддержка друзей.

Было важно выяснить, что, по мнению информантов, отличает представителей их национальности от других народов, в частности, от русских, насколько они ощущают существующие этнокультурные различия, и на что они могут повлиять. В качестве этнодифференцирующих признаков были выделены (со слов респондентов) такие как религия (ислам), религиозные взгляды, особенности культуры, традиции, язык, отношения в семье (отношение к

старшим, к женщине, распределение обязанностей между членами семьи), отношения с окружающими людьми, манера общения друг с другом, характер.

«Если сравнивать... с другим национальностями, например, с Россией, то и религия, и очень многое: и менталитет [различаются]; ...но, в общем, культура очень сильно отличается» (студент из Узбекистана, 20 лет). *«Разница между русскими и азербайджанцами – в характере» (школьница из Азербайджана, 16 лет).* Несмотря на то, что одним респондентом из числа студентов отмечается в качестве признака, отличающего его народ от других, воспитание, тем не менее, он все же подчеркивает (вероятно, неосознанно) его культурную детерминированность: *«от воспитания же зависит, как у нас дома воспитывают, как здесь воспитывают: у нас дома, например, когда приходишь, чай надо наливать в обязательном порядке, например, вот.. это не от национальности зависит...» (студент из Казахстана, 22 года).* Очень ценны для многих учащихся из Средней Азии такие качества, как верность, открытость, желание в чем-то помочь. В целом доброта, доброжелательность, взаимопомощь, поддержка, дружелюбие – те черты, которые отмечаются информантами в качестве основополагающих при выстраивании отношений с людьми, ценятся ими более всего, и, по нашему мнению, поддерживаются традиционной культурой любого народа.

В качестве отличительной черты своего народа некоторыми информантами отмечался их особый менталитет: *«Наверно, если посмотреть, что повлияло на менталитет [узбеков], это, скорее всего, религия (ислам), которая призывает быть доброжелательным к другим, приветливым и в любое время быть готовым оказать помощь или получить помощь...» (студент из Узбекистана, 20 лет).* Закладываемый в процессе воспитания и обусловленный этнической культурой менталитет выступает основой для специфического восприятия как социальной среды, так и самих себя.

Вероятно, с одной стороны, существование культурно детерминированных особенностей народов Средней Азии, их религиозность, совершенно иной менталитет обуславливают их восприятие российской культуры; с другой стороны, повседневные практики этнических мигрантов предоставляют немало поводов для этого, но в целом отношение к россиянам у старших информантов весьма сдержанное. Практически всеми молодыми людьми отмечается, что в среде принимающего сообщества распространены отчужденность и агрессивность (*«Отношение к людям мне здесь не нравится, грубость, злость...»* [местного населения. – Прим. авт.]), причем не только по отношению к приезжим, но и в отношениях россиян друг с другом. *«Люди здесь не такие, как в Оше, недоброжелательные» (школьница из Киргизии, 14 лет).* В качестве примера-антипода один из респондентов отметил характер отношений между людьми в странах ближнего зарубежья: *«В Узбекистане люди больше доброжелательные, всегда с улыбкой встречают и провожают» (студент из Узбекистана, 20 лет).* Подобных высказываний от наших информантов в отношении российского общества не было. Лишь наоборот, некоторыми респондентами отмечается разобщенность русских, даже внутри одного коллектива, превалирование индивидуальных целей над об-

щими, выделение и подчеркивание своих интересов среди интересов группы: «...у нас, когда я учился в лицее [в Ташкенте] <...> редко встретите, когда группа расчленена по определенным группам. А когда я уже поступил в новосибирский институт, то увидел то, что каждая расходится по своим интересам... то есть, нет какого-то единства. Я бы не сказал, что они конфликтуют, но все равно сложно представить, что это – единое целое» (студент из Узбекистана, 20 лет). «Я как здесь понял, мне кажется, общение здесь другое у русских... стиль общения. У русских нет единства, ... стараются себе выгоду сделать, не общую выгоду, а только себе, а потом, может быть, – другим» (студент из Киргизии, 18 лет). Респондентами высказывается представление о русской культуре как индивидуалистической, ориентированной на отдельную личность, и подчеркивается свойственный народам Средней Азии коллективизм.

Большое влияние на характер взаимоотношений между людьми в Азии, с точки зрения респондентов, оказывают их религия и традиции. «Я мусульманка... мне непривычно... например, пойдешь вечером на Студенческую [микрорайон рядом с НГТУ] – все пьют, ругаются. Абсолютно разная культура и воспитание. Здесь я заметила у многих... неуважение к женщинам, неуважение к чему-либо. Эгоистичный тип. У нас такого нет. У нас и к женщине с уважением относятся, добрее и теплее» (татарка, студентка из Казахстана, 21 год). Дополняет представления о России и русских подкрепляемый жизненными примерами негативный стереотип: «Отношение к выпивке – для меня это ... Просто ты понимаешь, какой демографический кризис в стране [в России], какая молодежь, какое поколение идет. Страшно смотреть на будущее молодежи, если такая молодежь будет продолжать...» (татарка, студентка из Казахстана, 21 год). Думается также, что эта ситуация бросается в глаза приезжим еще и потому, что традиционно выходцы из Средней Азии – мусульмане, и общеизвестно отношение их религии к алкоголю.

Интересны высказывания респондентов относительно отличительных особенностей своего народа от принимающего сообщества: «в первую очередь, у нас ... любовь к семье, а в европейских странах любовь друг к другу (девушка с парнем)... думаю, вот это вот самое главное отличие есть. Второе – это гостеприимство, ну на самом деле очень гостеприимный наш народ, да и культурно, мне кажется, очень отличительный от многих стран... Ну, а язык вообще отличается каким-то диалектом, например» (студент из Казахстана, 22 года). Действительно, некоторые информанты выделяли в числе основных характеристик гостеприимство своего народа и ориентацию на семейные ценности.

Что касается возможности и желания опрошенных иностранных учащихся интегрироваться в российский социум, надо отметить, что у большинства информантов нет стремления становиться «местными». На вопрос же о том, сколько лет нужно прожить в России, чтобы стать местным, давались разные ответы. «Это не от года [имеется в виду срок проживания. – Прим. авт.] зависит, это от человека зависит... Как ты, можешь ли прижиться к

городу?» (студент из Казахстана, 22 года). По мнению этого респондента из Казахстана, если сидеть на одном месте, ничем не интересоваться, то и через 20 лет город не станет своим, а если «кто-то придет раскрепощенный, пошел, погулял по городу, посмотрел, быстро заобщался, понял, как здесь живут, тому уже легче» (студент из Казахстана, 22 года). Высказывались также мнения, что результат интеграции зависит от самого человека, от его характера. «Можно прожить год, можно прожить 5 лет, можно прожить... 20 лет и не стать своим. Зависит от характера» (узбек, студент из Таджикистана, 22 года). «Если ты просто учишься и планируешь вернуться домой, ты никогда не станешь местным. Если ты действительно планируешь связать свою жизнь с Россией, работать здесь, семью завести, буквально года два можно прожить и влиться в коллектив. Мне бы хватило лет 5, чтобы освоиться здесь» (татарка, студентка из Казахстана, 21 год). Таким образом, превалирующим фактором в процессе адаптации к местному сообществу выступают личностные характеристики мигранта – его характер, коммуникабельность, степень готовности и желание «включиться» в принимающее общество.

Особенно выделяется среди других ответов представление одного из информантов о критерии адаптированности на новом месте жительства. В качестве такого критерия выступает нежелание уезжать из этой местности: «...Но желание вернуться обратно, наверно, ограничивает меня почувствовать, что я здесь обосновался и я здесь местный. ...Пока человек, наверно, не поймет, или не почувствует, что он здесь основательно... окончательно обосновался и что он уже местный» (студент из Узбекистана, 20 лет). На наш взгляд, это важный аспект, который в представлении респондентов выступает существенным фактором интеграции в новый социум.

Анализ полученных в ходе исследования данных позволяет сделать некоторые основные выводы. В качестве особенностей молодежи, выходцев из ближнего зарубежья, отличающих их от местного сообщества, можно отметить ориентацию на землячество, привязанность к «своим», своему этническому сообществу, направленность на коллективные формы взаимодействия. Следует заметить, что наличие поддержки со стороны этнической сети (родственно-земляческой) делает опыт вхождения в местное сообщество менее травматичным.

В стратегиях аккультурации молодых людей из Средней Азии наблюдается элемент анклавизации – молодые люди встраиваются в существующую структуру, но внутри нее живут в соответствии с принципами своей культуры, ориентированы на ее традиции. Можно предположить, что традиционализм в стране исхода, в частности, приводит к значительным сложностям при интеграции в местное сообщество. Здесь обнаруживается, на наш взгляд, конфликт культур – традиционной и современной, конфликт двух типов мировоззрения, культурных миров жизни, особенных, уникальных способов бытия. Кроме того, часто в случае этнической миграции географическая периферия (места расселения – преимущественно окраины городов) совпадает с периферией символической (попытки местного сообщества оградиться от

«гостей»). Это, на наш взгляд, увеличивает дистанцию с принимающим обществом, что осложняет интеграцию мигрантов.

В то же время переезд в другую страну на постоянное место жительства в некоторых случаях может приводить к разрыву с культурными традициями этнических культур, особенно когда они очень сильно отличаются. С другой стороны, переезд неизбежно сопровождается конфликтом с чужой, иной культурой. В процессе этого конфликта человек начинает осознавать специфику собственной культуры, свое мировоззрение, свой подход к жизни и к людям. Он видит и, главное, оценивает этот чужой мир через призму своей культуры, что и приводит к конфликту культур. Желание интегрироваться в принимающее общество и понять его, а также поддержка окружающих помогут преодолеть этот конфликт и стать частью нового социума, сохранив при этом свою культурную и этническую идентичность. Культурная гетерогенность или конфликт культур? Этот вопрос еще остается открытым.

1. Данные с официального сайта школы № 66 г. Новосибирска [Электронный ресурс]. URL: http://www.s_66.edu54.ru/p59aa1.html

2. Печурина А. В. Визуализация социальных исследований: новые данные или новые знания? // Социол. журн. 2007. № 3. С. 81–89.

3. Печурина А. В. Указ соч.

1. Data from the official site of School № 66 of Novosibirsk [On-line resours]. URL: http://www.s_66.edu54.ru/p59aa1.html

2. Pechurina A. V. Visualization of social researches: new data or new knowledge? // The sociological journal. 2007. N 3. P. 81–89.

3. Pechurina A. V. Ibid.

Cultural Heterogeneity or Cultures Conflict? On the Issue of Students Integration from the Near Abroad into Local Community

E. S. Deriga

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk

The article considers the results of the empirical research of integration practices of students, ethnic migrants from the near abroad in Novosibirsk. The article focuses on the way the ethnic migrants go through the adaptation process to the new ethnic environment. Besides it concerns the strategies and conditions of their integration into local community.

Key words: ethnic migrants, integration, conflict between cultures.

Дерига Елена Сергеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы и социальной антропологии Новосибирского государственного технического университета, 630092, г. Новосибирск, пр. Карла Маркса, 20, корп. 5-306, тел. 8(383)346-22-51, e-mail: deriga_sw@ngs.ru

Deriga Elena Sergeevna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Social work and Social anthropology, the Novosibirsk State Technical University, 660092, Novosibirsk, Karl Marx Avenue, 20, 5-306, phone 8(383) 346-33-47, e-mail: deriga_sw@ngs.ru